

Ольга Багдасарян, Нина Барковская
Проект как способ существования
современного литературоведения

Предыдущее пятилетие наша кафедра современной русской литературы УрГПУ получала гранты от различных фондов и успешно занималась проектной деятельностью. В этом году ни одна наша заявка не была поддержана, так что можно подвести некоторые итоги «научной пятилетки». Всякий проект учитывает конъюнктуру на «рынке идей», тема должна быть привлекательна для грантодателя, и в этом определенный минус любого научного проекта, простор для спекуляций и сервильности. Но плюсов значительно больше, и при известных условиях проектная форма организации науки может быть предпочтительней прочих.

Всем очевидно кризисное состояние российской гуманитаристики: жесткое администрирование, неуклонное сокращение в вузах рабочих мест и финансирования, отсюда — «незащищенность труда, академический прекаритет, пассивный конформизм, приспособленческая инертность и отсутствие какой-либо социальной солидарности»¹. Литература в России всегда была социальным институтом, находилась под пристальным вниманием руководства страны; ослабление диктата на некоторый срок компенсируется сегодня ужесточением цензуры, не закрепленной институционально, а потому особенно всепроникающей (потребовать запрещения книги/спектакля/фильма/выставки может любой депутат, священник, пенсионер, родитель, любая «инициативная группа неравно-

© Ольга Багдасарян, Нина Барковская. 2015

© TSQ № 53. Summer 2015

¹ Гольнко-Вольфсон, Дмитрий. Несвоевременные заметки о статусе литературного труда // Транслит: литературно-критический альманах, № 8, 2010, с. 28-35; с. 32.

душных граждан»). Форсируется патриотическое воспитание, шельмуется «пятая колонна», усиливается самоцензура авторов. Деятельность в рамках вуза регламентирована ФГОС с его строгим перечнем «компетенций», инструкциями МОиН и ВАК, параметрами менеджмента качества, планами научной деятельности. Жестко формализовано буквально до слова и запятой даже заключение диссертационного совета по присуждению ученых степеней. Казалось бы, это хорошо: регламентация определяет права и обязанности в законном порядке; но, к сожалению, при этом сковывается творческая инициатива, а рамки регламентации далеко не всегда рациональны. Наукометрические показатели, удовлетворительно работающие в области естественных наук, плохо адаптированы к гуманитариям и не защищены от манипуляций.

Внедрение проектной организации науки формирует не только «горизонталь» рыночного давления, но и дает возможность хотя бы частичной эмансипации от административно-чиновничьей «вертикали». Борис Гройс справедливо отмечает, что «написание различных проектов стало основным занятием современного человека <...> жанр проектного формулирования перерастает постепенно в разновидность искусства»². Применяя наблюдения социолога к сфере науки о литературе, можно согласиться с идеей о том, что проект диктуется стремлением обрести «санкционированное обществом коллективное одиночество», дает возможность мыслить в аспекте будущего, а не ностальгировать по мифологизированному прошлому. Об актуальности и желанности проектной формы писал Лев Гудков почти 20 лет назад: «Уйти от анализа состояния дел в этой области знания все равно не удастся. Не знаю, сознают ли это коллеги-филологи, но в последние годы существенно меняются статус, роль, партнеры, источники финансирования, а соответственно, институциональная организация литературоведения — оно „разгосударствливается“. А это значит, что встают (или будут вставать) вопросы, от которых зависят сами способы работы („теория“): для кого ли-

² Гройс, Борис. Одиночество проекта // Гройс Б. Политика поэтики. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012, с. 278-288.

тературоведение, кому оно нужно, с кем (каким партнером) оно взаимодействует?» По мнению исследователя, «чисто организационно все большую роль в будущем будут играть различные фонды (гранты), которые представляют иной спектр ценностей и запросов публики, нежели тот, к которому привыкло филологическое сообщество и которое оно считает удобным для себя. Это интересы и представления культурно дискриминированной прежде части общества, и зарубежные партнеры, причем — не только слависты (университетские преподаватели), но и специалисты другого профиля, заинтересованные в получении реального знания о положении дел в литературе и ее потребителях (политологи, книговеды, историки, культурологи, психологи, педагоги, социологи и проч.)³.

Работа над проектом совмещает «протестантскую» этику личной инициативы и ответственности с «советской» моделью коллективизма, дружбы, солидарности, самоотдачи. Научная группа, в отличие от кафедры как административной единицы университета, объединяет единомышленников, предполагает дискуссии и полемику, невозможные сегодня в «большом» пространстве литературоведения.

По большому счету, гуманитарии сегодня, этот «мыслящий пролетариат» (по определению Дмитрия Писарева), «бюджетники», никому в обществе не интересны, вытеснены на обочину культурного поля. Но статус «обочины», на которую никто особо не претендует, может продуцировать «экотонный эффект» — повышение структурного, видового, функционального и проч. разнообразия, возникновение гибридных, пограничных явлений, систем, видов деятельности, объектов и «идентичностей»⁴. Концепция, заложенная в проект, может располагаться в зоне экотона, пограничья, фронта (на границе между освоенными и неосвоенными зо-

³ Гудков, Лев. Массовая литература как проблема. Для кого? // НЛО, № 22, 1997, б. пар: <http://magazines.russ.ru/nlo/1997/22/gudkovp-pr.html>.

⁴ Каганский, Владимир. Граница ландшафтная // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / Отв. ред. Иван Митин; сост. Дмитрий Замятин. Вып. 6. М.: Институт Наследия, 2010, с. 256–259.

нами), следовательно, включать в себя идеологию «открытой дороги», «пионерства», трансгрессии. Проект тогда эвристичен, когда он на обочине научного и культурного мейнстрима, нащупывает неосвоенные области, а не развивает/отрабатывает/конкретизирует проблемные узлы, уже получившие научную разработку.

К факторам геокультурной предрасположенности к стратегии личной инициативы проектов можно, с известной долей условности, отнести историко-культурные и ментальные особенности уральского региона и Екатеринбурга в частности. В горнозаводском крае всегда было преобладание рабочих и артельщиков-старателей над сельским населением, значительно слабее было проявление крепостного права, чем в центральной России. Личная инициатива, стоицизм, умение выжить необходимы были старообрядцам, раскулаченным, спецпоселенцам, поволжским немцам, позднее так называемым «шанхайцам». В 30-40 гг. XIX в. на волне «золотой лихорадки» купечество (купцы, а не дворяне были элитой уральского общества) ощущало себя относительно независимым от центральной власти, как ранее — Строгановы и Демидовы. Финансовая независимость провоцировала не только самодурство, но и фронду; например, когда в Пермь приехал высланный Николай Михайловский, городское начальство устроило ему пышный банкет, а миллионер, владелец пароходов, не только катал его по Каме, но и вступил в партию эсеров⁵. Националистическим предрассудкам всегда препятствовал полиэтничный состав населения. В советское время мощный рост промышленности повлек за собой и возрастание научного потенциала края. Культивировалось самоощущение Урала как «опорного края державы»; обилие «закрытых» городов порождало чувство самодостаточности и автономности (крайнее проявление тому — идея Уральской республики во времена Эдуарда Росселя). Эти и другие, не названные здесь особенности, как раз и способствовали формированию «проективного» мышления.

⁵ Поликовская, Людмила. Жизнь Михаила Осоргина, или Строительство собственного храма. СПб.: Книга; Победа, 2014, с. 16.

Урал соединяет части света, Европу и Азию, воочию демонстрируя призрачность такой границы. Поэту Юрию Казарину (доктору филологических наук, профессору Уральского федерального университета) принадлежат знаменитые строки: «Мой азиатский дом с воротами в Европу и огород с простором на Сибирь». Научный проект (при всей его зависимости от идеологической и научной конъюнктуры) позволяет раздвинуть горизонты «своего» и «чужого», объединить усилия филологов поверх административной раздельности, создает условия для свободной (относительно!) научной и социокультурной коммуникации.

Написание проекта требует взаимодействия между членами рабочей группы, куда могут входить не только представители разных вузов России, но и разных стран (РГНФ-БРФФИ, например). Проект, зарегистрированный на соответствующем сайте, проходит экспертизу и затем может получить (или не получить) финансовую поддержку, приобретая тем самым статус официального документа. Ирина Каспэ размышляет над онтологией и статусом документа: «Первостепенную значимость здесь имеет то, как документ задействуется в процессе создания и, что особенно важно, согласования образов реальности, сверки коллективных представлений о реальном, иными словами, то, как он участвует в коммуникативных процедурах проверки и перевода, на какие интерпретативные навыки опирается наше доверие (или недоверие) к документу и как эти навыки возникают»⁶. Так, нам приходилось сталкиваться с негативной оценкой экспертов, которые отнесли тему проекта, нацеленную на текущий литературный процесс, не к литературоведению, а к критике, а тему, связанную с изучением литературы для детей — к педагогике; только один из трех экспертов, давший положительную оценку проекту, пользовался теми же интерпретативными принципами, что и мы. Ирина Каспэ, ссылаясь на исследования Стэнли Фиша, Джона Сили Брауна и Пола Дьюгида, пишет, что документы «наделе-

⁶ Каспэ, Ирина. От редактора // Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? / Сб. статей; под ред. И. Каспэ. М.: НЛО, 2013, с. 5-17; с. 9.

ны способностью поддерживать воображаемые общности», могут выступать в роли «пограничных объектов». Как резюмирует Каспэ, подобная пограничность «делает документ не столько информационным каналом, сколько пространством перевода значений, ценностей, интересов разных групп, но также и, разумеется, пространством борьбы за доминирование той или иной интерпретации, тех или иных образов реальности»⁷.

Отсутствие в Екатеринбурге архивов писателей-классиков инициировало для нас установку не на описание, а на интерпретацию литературных фактов, что требовало рефлексии над теорией литературы. Теория жанра⁸ составила базу для концептуализации истории литературы (идея «памяти жанра») и осмысления инновационных, а значит — актуальных, трансгрессивных, «экс-центричных», не вписывающихся в мейнстрим — явлений и тенденций. Хронотоп «фронта» обусловил, возможно, интерес нашей научной группы (подвижной, институционально не закрепленной, открытой) к жанровым смещениям. Юрий Тынянов писал о феномене литературной эволюции: «И текучими здесь оказываются не только *границы* литературы, ее „периферия“, ее пограничные области — нет, дело идет о самом „центре“ <...> эти самые новые явления занимают именно самый центр, а центр съезжает в периферию»⁹. Описывая механизм литературной эволюции, когда «из задворков и низин wpłyвает в центр новое явление», исследователь ссылается на описанный Виктором Шкловским процесс канонизации «младших жанров». Концепция Наума Лейдермана, описывающая синхронные и диахронные литературные системы, апеллирует к изменениям жанровой системы на «стреле времени», причем исследователь говорит о колебательном, поступательно-возвратном характере смены «космографических» и «хаографических» цик-

⁷ Там же.

⁸ Лейдерман, Наум. Теория жанра: Исследования и разборы. Екатеринбург: ИФИОС «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т, 2010.

⁹ Тынянов, Юрий. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977, с. 257-258.

лов, пересекаясь с идеей «первичных» и «вторичных» систем в исторической типологии культуры Игоря Смирнова¹⁰, учитывая, разумеется, и построения предшественников (Григория Гуковского, Виктора Жирмунского, Александра Михайлова и др.). Теоретическая модель жанра, разработанная Лейдерманом, включает три уровня: жанровое содержание, жанровая структура (носители жанра) и жанровые мотивировки, охватывая, тем самым, все три аспекта произведения: креативный, референциальный и рецептивный. Функция жанра заключается в организации всех элементов структуры произведения в целостный образ мира, «сокращенную Вселенную», наглядно воплощающую определенный тип миропонимания и мироотношения.

Теория жанра оказалась для нас надежной методологической базой при исследовании, прежде всего, актуальных тенденций в русской литературе. Обращаясь к современной поэзии или драматургии, к литературе для детей и подростков (самой, пожалуй, интересной сегодня части литературного процесса), мы так или иначе имеем в виду жанровые модификации, будь то «книга стихов» как художественное многокомпонентное единство монтажного типа, или различные «вторичные формы» (ремейки), или способы функционирования словесного произведения в медийном контексте (экранизации, комиксы, гибридные формы сетевой литературы и проч.).

Анализируя задним числом тематику наших проектов, мы видим определенную логику и неслучайность обнаруживаемых актуальных зон. В 2009-2010 гг. в рамках ФЦП мы выполняли проект «Современная литература: имена и тенденции», под руководством Марка Липовецкого, профессора Колорадского университета в Болдере. В итоге были «нащупаны» векторы развития литературы на рубеже XX-XXI вв., американский коллега предложил адекватный этим новым процессам методологический подход. Одним из перспективных направлений оказалась детская литература, мы провели в

¹⁰ Смирнов, Игорь. Мегаистория. К исторической типологии культуры. М.: «Аграф», 2000, с. 18, 20.

2010 г. научный семинар «Детская литература сегодня», в результате возникли научные контакты с учеными из Москвы, рядом детских писателей, Екатеринбургским Домом Учителя, много и интересно работающим над проблемой возвращения книги в мир подростка. В 2011 г. Фонд «Русский мир» поддержал проект «Поэзия в едином постсоветском культурном пространстве», мы завязали знакомство со многими актуальными поэтами Украины, Беларуси, Казахстана, Литвы, Грузии, что нашло продолжение в проекте «Книга стихов как феномен культуры России и Беларуси» (РГНФ-БРФФИ, 2013-2014). Параллельно приоритетным направлением исследований стали жанровые трансгрессии разного рода, эти изыскания поддержаны грантом Президента РФ для молодых ученых (2013-2014) и стажировкой Ольги Багдасарян в Словакии при поддержке программы международного сотрудничества SAIA. Гранты позволили расширить географию научных конференций, общаться с филологами Польши, Словакии, Беларуси, Болгарии. Очень жаль, если грантовые программы будут свернуты. Другая возможность — развивать академическую мобильность, но тут есть свои сложные препятствия. Очень было бы неплохо организовать (под эгидой БАН?) открытое профессиональное сообщество русистов-литературоведов. В России мало известны контактные и типологические связи славянских литератур в послереволюционный и в постсоветский периоды. Совместные конференции и сборники статей помогли бы координировать и методологические подходы, и конкретные изыскания, и, главное, практическое использование полученных результатов.

Кирилл Кобрин недавно писал, что «в российском обществе почти отсутствуют институционализованные проявления сколь-нибудь значительной солидарности — профессиональной, социальной, любой иной»¹¹. «Рыночная горизонталь» грантов в науке давала возможность такой солидарности. Экономический кризис послужил благовидным поводом для резкого сокращения финансирования научных фон-

¹¹ Кобрин, Кирилл. Остров Робинзона // Colta: Школа гражданской журналистики: 31.03.2015; б. паг: <http://colta.ru/articles/society/6818>.

дов, в первую очередь — в области гуманитарных наук. Значит, нужно (продолжая писать заявки на гранты, поскольку это прекрасная процедура методологической саморефлексии) находить другие пути финансового самообеспечения: через образовательные структуры (например, дистанционное обучение), через взаимодействие с другими культурными институциями, может быть, даже через некие популяризаторские проекты, адресованные широкой (нефилологической) аудитории.